

ВОЙНА

ПЕРМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ГЛАЗАМИ ПОДРОСТКА

| Светлана УСТЬ-КАЧКИНЦЕВА

Прежде всего я должна дать кое-какие пояснения. Во-первых, я 1935 года рождения, т.е. к началу войны мне было шесть лет, а когда война кончилась — десять. Поэтому воспоминания мои детские, отрывочные. Я бы сказала, они импрессионистские. Вспоминаются больше не факты, а впечатления.

И, главное, воспоминания носят весьма субъективный характер. Я попытаюсь рассказать то, что происходило со мной, с моими родителями, их друзьями, коллегами в те годы.

Имеют ли право такие частные воспоминания претендовать на обобщающее название, которое я дала им? Думаю, что в какой-то степени имеют. Мои родители закончили наш университет. Отец проработал в нём до последнего дня жизни. Для него, как и для большинства его товарищей, университет был не только местом работы, он составлял их жизнь. Говоря более возвышенным стилем, это было место служения, их поприще. Здесь они реализовывали свои планы, свои представления о научной, преподавательской работе, реализовались сами. В университете не только работали, в нём, а точнее, им, жили. Поэтому то, что я вспоминаю о войне, я вспоминаю, в основном, об университете.

22 июня 1941 в воскресенье года мы с семьёй математика Ивана Власовича Цыганкова выбрали на маленький пикник в рощу, которая тянулась от первого общежития, в котором мы тогда жили, до вокзала. Хоть и было это совсем рядом с нашим домом, но, как и полагается в таких случаях, мы взяли с собой какую-то еду, воду в бутылке. Папа и Иван Власович по очереди катались на велосипеде Цыганкова, катали нас, детей. Было очень весело. Но вдруг из репродуктора с привокзальной площади донёсся тревожный голос. Народ в роще, на улице затих. Родители сразу стали серьёзными. Война!

В первые же недели нас, как и других сотрудников и студентов университета, выселили из общежития. Его отдали под жильё работникам эвакуированного из Харькова Наркомугля. (Наркомата угольной промышленности). Мы переехали в одну из комнат квартиры Цыганковых. Вскоре к нам из Москвы приехала бабушка с моим годовалым двоюродным братом, семья Цыганковых из 4 человек осталась в одной комнате. В третьей поселилась молодая пара из Москвы, у них вскоре родился малыш. Квартира

по тем временам не казалась перенаселённой.

Сам наркомат угольной промышленности разместился в помещении университета, заняв северное крыло тогдашнего главного (ныне второго) корпуса.

Комнаты для новых жильцов освобождались в спешке. Мебель, оборудование из лабораторий, книги перетаскивали на себе не только студенты, но и пожилые профессора. Книги порой сваливали прямо на землю. Тогда-то и был нанесён большой урон замечательной библиотеке университета.

Не могу не заметить, что образ и уровень жизни, привычки работников наркомата сильно отличались. Эвакуированные сотрудники относились к тем, кого тогда называли ответственными работниками, потом — номенклатурой. Это в советском обществе был привилегированный класс. (Из записной книжки Ильфа: «По двору гуляли гордые дети мелких ответственных работников»). Так, в одной из аудиторий, освобождённой в такой спешке, немедленно оборудовали специальную парикмахерскую для высшего начальства. Это университетских удивило и рассмешило.

В университетских зданиях разместился и ОРС Наркомугля. (ОРС расшифровывалось, кажется, как отдел рабочего снабжения). Снабжение по тем временам было невиданно хорошим. Справедливости ради следует сказать, что иногда из этого ОРСа каким-то образом что-то перепало и голодным научным работникам.

С первых дней войны уклад жизни даже здесь, в глухом тылу резко изменился. Почти сразу сделали обязательной светомаскировку. У нас на окнах были шторы из картона. Их опускали, как только дома зажигали свет. Впрочем, электричество в домах и даже учреждениях тогда горело нечасто. У нас имелась керосиновая лампа, но керосин был в страшном дефиците. Ещё сложнее обстояло дело со стёклами для этих ламп, они лопались часто, а на рынке стоили бешеных денег. Нам было легче: ещё в молодости отец освоил профессию стеклодува, сам изготавливал многое необходимое для работы в химической лаборатории. Он и стёкла научился выдувать. Для освещения также использовались свечи, но их тоже было трудно достать. Чаще всего сидели при каганках. Это такое приспособление из жестяной посуды и фитиля. В посудину помещали остатки свечей, какой-то жир, всё,

что могло гореть. Делали фитиль из ниток или куска материи, опускали в эту посудину и поджигали.

Зима 1941-42-го годов была очень холодной. В городе даже днём постоянно было ниже сорока градусов! Насколько я помню, в городе тогда не было центрального отопления. Отопление почти нигде не включили. При каждом доме или группе домов была своя кочегарка, топили каменным углём. Поэтому не все оказались в одинаковых условиях. Но большинство домов не отапливались.

У нас дома было очень холодно, и мы, как многие, обзавелись буржуйкой. Это печурка из металла, которую топят дровами, труба выводилась в форточку. Появились буржуйки в гражданскую войну, их ещё не успели забыть. Около буржуйки мы пытались согреться, на ней готовили. Но и с буржуйкой температура в комнате в самые морозы не поднималась выше 6 градусов. Холодно было у всех. Помню, как отец рассказывал о каком-то сотруднике, который бахвалился: «У нас ниже десяти не бывает». Ему не верили, над ним посмеивались, фразу эту повторяли, когда хотели пошутить.

В университете было теплее. Не знаю, может быть, немного топили, может быть, спасали очень толстые стены. В самые лютые морозы мы не вытерпели и переехали на несколько дней в университет на кафедру физической химии. Там было 13-14 градусов! Неслыханный комфорт! Спали мы на столах. Наверное, это было незаконно, но мы особенно не скрывались. По-видимому, не мы одни так спасались от морозов.

Уплотнённый университет работал почти круглосуточно. Многие с первых дней ушли на фронт. Нагрузка оставшихся резко возросла. А ещё часть сотрудников мобилизовали для работы на оборонных предприятиях. Так, лаборант кафедры физической химии Ольга Александровна Молокова несколько лет проработала на телефонном заводе.

Кроме того, была сразу введена обязательная трудовая повинность для всех работников. Это и расчистка железнодорожных путей, и заготовка дров, в том числе вылавливание дров из Камы, и многое другое. Независимо от возраста все

работали старательно, хотя порой не очень умело. Из-за этого случалось всякое, но, слава Богу, без серьезных последствий. Вообще, в университете всегда много шутили, а во время войны особенно. По-видимому, это была инстинктивная защита от трудностей времени, попытка поддержать и себя, и других. Я помню, как рассказывали, что во время выживания дров из Камы уже не очень молодой доцент Михаил Николаевич Полукаров упал в воду. На помощь бросился профессор Воскресенский. Он стал протягивать Михаилу Николаевичу багор, но из-за близорукости и неловкости попадал багром по голове тонувшего. Хорошо, что на том была меховая шапка. После удара багром Михаил Николаевич уходил глубже в воду, потом выныривал, спаситель снова протягивал ему багор, и всё повторялось. При этом акт спасения сопровождался полным молчанием. Михаил Николаевич был очень тихим, застенчивым, скромным человеком, а Воскресенский старательно спасал. К счастью, окружающие вовремя увидели, сообщив вытащили Полукарова, отправили переодеться и обсушиться. Всё обошлось и стало на долгое время темой весёлых рассказов.

Студентов после занятий отправляли на заводы. Там тоже не хватало рабочих рук: многие с первых дней войны ушли на фронт. Как вспоминает С.Н.Голубина, поступившая в университет в 1943 году, после занятий они всем курсом ходили на завод им.Дзержинского убирать стружку из-под металлорежущих станков. Иногда их отправляли на завод «Старый бурлак» укладывать в ящики мины. Курс у них был очень большой, так как учились и эвакуированные, а закончили всего несколько человек.

В военные годы трудились студенты и в колхозах. Осенью, а иногда и весной. Не было техники, не хватало лошадей. Бригадиры «меняли» десять студентов на одну лошадь.

Жили студенты нелегко: много работы и голодно. Особенно тяжело приходилось иногородним студентам. В общежитии в комнате жило по 16 человек, спали по двое на одной кровати.

О военных годах вспоминает Юрий Михайлович Полукаров (в настоящее время доктор химических наук, член-корреспондент Российской АН): «Во время войны было очень холодно, университет не отапливался. Тем не менее велись занятия, иногда при свечах. Сотрудники кафедры физической химии вели работы по оборонной тематике в связи с заданием ряда военных институтов, эвакуированных в Пермь. Были и так называемые народно-хозяйственные задачи, например, занимались синтезом сахарина, необходимого для замены сахара».

На многих кафедрах были введены специальные курсы. Так, мой отец В.Ф.Усть-Качкинцев читал курс «Физико-химические основы противогазового дела».

Юрий Михайлович Полукаров учился в 1943-48 годах. Очень ценно то, что он говорит об обстановке в университете в то трудное время: «Должен сказать, что атмосфера истинной интеллигентности, ответственное отношение и к обучению, и к воспитанию, становлению лучших человеческих качеств студентов были характерной и, может быть, отличительной чертой нашего университета того времени».

С первых дней войны в стране были введены карточки на все товары. Купить по карточкам положенные продукты можно было только в том магазине, к которому

владельцы карточек были прикреплены. Эти магазины назывались распределителями. Кажется, только хлеб можно было купить не «в своём» магазине. Сначала все работники вузов Перми были прикреплены к центральному гастроному. Он был поделён временными перегородками на ряд отдельных магазинов. Помню, что в первое время с нами вместе получали продукты артисты эвакуированного в Пермь Кировского, теперь опять Мариинского, театра. Стоящие в длинных очередях восхищённым взглядом провожали Уланову, Дудинскую.

Потом «нашим» стал магазин на углу улиц Большевистской и 25 Октября, где научные работники Перми получали продукты вплоть до отмены карточек в 1947 году. Магазин был поделен на две части: в одной продукты продавались кандидатам, докторам, т.е. высшему эшелону, в другой – всем остальным. Но это разделение не сказывалось на отношениях стоящих в очереди. Обстановка была дружественной, демократичной. А очереди были многочасовые! Часто приходилось подождать, когда привезут продукты. Люди сидели на подоконниках, выходили на улицу, отпускали друг друга сходить домой. За несколько лет все перезнакомились. В очередях велись долгие разговоры. В первую очередь о событиях на фронте, о делах научных и преподавании, о книгах и театре. Получилось что-то вроде клуба научных работников, точнее, их жён. Всё же в очередях стояли больше женщины.

Я сама девчонкой провела множество часов в этом магазине. Помню его, помню продавщицу, доброжелательную вежливую красавицу Галю, помню толстого магазинного кота. Но в магазине на 25 Октября мы стояли уже в более «сытое» время, в последние военные и послевоенные годы. Снабжение научных работников тогда заметно улучшилось. Власть вынуждена была признать, что для создания нового оружия, атомной бомбы нужна научная интеллигенция, пришлось на время забыть о вечном недоверии к ней. Увеличились нормы отпуска товаров по карточкам, появились лимитные книжки, по которым тоже что-то продавали, какие-то дополнительные пайки.

И, конечно, нельзя недооценивать американскую гуманитарную помощь. В Перми американские консервы появились либо в конце 42-го, либо в начале 43-го года. Я и все, кто жил в то время, до сих пор помним и вид, и вкус знаменитой тушенки. А ещё были банки с чем-то вроде колбасного фарша. Также необыкновенно вкусными были консервы, где в банках вертикально стояли плотно прижатые друг к другу сосиски. Совершенно непривычными для нас были овощные консервы, в них, помню, было много фасоли. И банки этих консервов открывались необычно, ключиком, закреплённым с боку банки. До чего же это было вкусно! А как пахло! И, наконец, сгущённое молоко. Сладкого мы не ели почти совсем. А тут это прекрасное молоко! В торце банки была маленькая крышечка. Подденешь её, и льёшь на блюдце густую струю!

Насколько я помню, эти продукты тоже выдавались по карточкам. Но были и какие-то пайки из них, их выдавали прямо в университете. Появились и американские промтоварные посылки-пайки. Их я помню хуже, главным тогда была еда. Знаю только, что мой отец получил из этих посылок большие, довольно неуклюжие, но очень крепкие, удобные, на новой для нас непромокаемой по-

дошве ботинки. Наверное, они были английскими, так как их называли «Черчилли». Жить стало чуть легче.

А 41-42-й годы были очень голодными, очень тяжёлыми почти для всех. В первые месяцы войны ещё выдавались у отца свободные дни. Это потом работали почти без выходных, отпуск отменили. Тогда отец брал какие-то платья, туфли из нашего весьма скромного гардероба и отправлялся по деревням в надежде выменять на них хоть что-то съестное. Удавалось это нечасто. Однажды на него спустили собак. Но как-то раз он принёс маленькую баночку мёда!

Выдавались специальные талоны, по которым можно было пообедать в столовой или взять обед домой. Обед состоял обычно из знаменитой баланды, тёмной липкой каши непонятого происхождения и, это иногда, одного-двух леденцов. Порции были крохотными. В первые месяцы войны мы получали эти обеды в какой-то городской столовой. Ходили туда с Цыганковыми по очереди, через день. Двойной порцией можно было, если не наестся, то хоть чуть заглушить голод.

В университете столовая была расположена в подвальной помещении тогдашнего геологического корпуса. Очередь шла очень медленно. Из карточек вырезали талоны на хлеб, на макароны, на жиры. Но, всё равно, все блюда состояли из капусты, летом свежей, зимой квашеной. Не перестававшие даже в то время шутить люди живо присвоили этим блюдам название «шукрут». Так называется блюдо из квашеной капусты, популярное в Эльзасе. Но тогда это название расшифровывали так: «широкое употребление капусты работниками умственного труда». Вставая из-за стола, говорили: «А теперь хорошо бы пообедать».

Многие не смогли бы пережить голодные военные годы, если бы не огороды, которые появились уже в лето 1942 года и сразу стали важной частью тогдашнего быта. В те времена в Перми было ещё очень много маленьких деревянных домов с примыкающими к ним огородами. Но даже жители этих домов стремились получить дополнительные участки. А уж для обитателей каменных многоэтажек это было жизненно необходимо. Участки под огороды раздавали своим работникам предприятия. Университетские огороды находились в Балатово. Тогда это была прилегающая к городу деревня, а около неё – большое поле. Мы получили там две сотки. Наверное, были какие-то нормы, связанные с численностью семьи. Там мы сажали картошку, иногда что-то ещё. Во время посадки на всём громадном поле суетились университетские, подходили друг к другу с разговорами, с просьбами одолжить какой-нибудь огородный инвентарь. Картошку в каждую лунку клали не целиком, а срезками. С одной картофелины делали несколько срезов с глазками. Жизнь заставляла учиться рациональному ведению дела. Потом шла пора окучивания. Наконец, уборка урожая. Обычно от университета в этот день на поле отправляли тягловую силу – лошадь, а иногда даже машину. Все дружно трудились, потом складывали мешки в грузовик. Мужчины непременно помогали тем семьям, где мужчин не было. Костя Наугольных, тогда школьник, сейчас крупный учёный физик, совсем недавно с благодарностью вспоминал, как мой отец помогал им с матерью, затаскивал их мешки с картошкой в кузов, сгружал у их дома, тащил до дверей.

Его мать Валентина Николаевна Наугольных была доцентом кафедры физиологии растений.

На поле был шалаш. В нём, как только начинал созревать урожай, дежурили сотрудники университета. Была установлена очередь этих дежурств. Ночами дежурили двое, днём по одному.

Кроме Балатово огороды были на Балмошной, в Курашине и рядом с университетом, там, где сейчас находится главный корпус. В Курашим ездили большой компанией, с ночёвкой. Была какая-то одинокая старушка, у которой останавливались постоянно. Иногда во время этой поездки удавалось порыбачить, даже поохотиться.

Рядом с университетом участки были маленькие, там картошку обычно не сажали. Грядки эти предназначались для более «благородных» культур. У нас там росли помидоры! Отец научился уходу за ними. А ещё он, заядлый курильщик, выращивал там табак.

Очень легко, быстро люди, прежде не знавшие сельского труда, втянулись в эту жизнь. Более того, общим трудом, шутками сумели скрасить её тяготы.

Но, кроме прозы жизни, были в то время и подлинные праздники. Так, уже в январе 1942 года на кафедре физической химии устроили ёлку для детей сотрудников химфака. Было и угощение – чай с глюкозой, даже какие-то съестные подарки. Завели патефон, дети читали стихи, пели, плясали. А мой отец исполнил свой коронный номер – чарльстон. Танцевал он его не так, как танцевали у нас потом в шестидесятых, а виртуозно, как в кино танцевали когда-то Пат и Паташон. Все были в восторге.

А каким праздником для отца стал его день рождения в 1942 году! Дело в том, что мы с мамой купили на рынке ему в подарок две папиросы «Казбек»! Отец всегда говорил, что лучшего подарка он не получал никогда.

Почти с первых дней войны в клубе университета стали регулярно, раза два в неделю вечерами показывать кино. Наверное, это делали потому, что все работали допоздна, ходить в кинотеатры уже не успевали, да и не было для этого ни сил, ни желания. А здесь всё рядом, в зале все знакомые. Думаю, организаторы отлично понимали, что людям нужна разрядка, нужна радость. Я с родителями пересмотрела там довольно много неплохих фильмов. Отлично помню, что шёл там американский фильм «Песнь о России». В начале войны Америка переживала период горячей любви к боевому союзнику. Фильм был занятным, сюжет абсолютно не помню. Только врезался в память эпизод, когда героиня – молодая колхозница, вернувшись с работы, задумчиво проходит анфиладу комнат своего дома, и, присев к роялю, играет Шопена. Так американцы решили представить жизнь в СССР. Знаю со слов взрослых, что играли в фильме лучшие артисты, даже Михаил Чехов.

Афиши, написанные от руки, вывешивались на соседней с клубной двери. За этой дверью находился кабинет заведующего кафедрой почвоведения Антона Ивановича Оборина. Представьте себе изумление, когда на двери появилась громадная надпись: «Антон Иванович сердится!» А оказалось, что так называется новая кинокомедия.

Но главным праздником для пермяков в те годы была возможность увидеть спектакли Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова. Как находили время, силы в самые трудные годы?! Но находили, ходили. А пели как! Кошеварова, Середа, божественный тенор Нэлеп. Балет

Кировского был, несомненно, лучший в стране. Танцевали Дудинская, Сергеев, сама Уланова. Были и концерты симфонической музыки, которые давал оркестр театра.

«Какая музыка была, какая музыка играла, когда и души, и сердца война проклятая попрала!...Рыдали, плакали навзрыд одной единой страсти ради на полустанке инвалид и Шостакович в Ленинграде!»

Университетские работники старались ходить в театр на все спектакли. Ходили сами, водили семьи, я бывала на утренних спектаклях, убеждали ходить студентов.

Всё равно, хоть отлично помню посещения театра, не могу понять, откуда у людей, зрителей, брались силы и откуда черпали силы артисты? Были случаи, особенно в первую, самую голодную зиму, когда во время спектакля кто-то из кордебалета падал в голодный обморок. Но назавтра снова танцевали и снова зал был полон.

В университете работали до поздней ночи. Мой отец был деканом химического факультета. В войну к его обычным обязанностям прибавились заботы, связанные с организацией работы студентов после занятий и обеспечением их безопасностью. Однажды отца даже заперли в химическом корпусе. Что делать? Он залез на подоконник в надежде послать первого прохожего за сторожем. Было очень поздно, двор опустел. И вдруг отец увидел мужа начальницы ОРСа. Имени его он не знал, поэтому стал звать так: «Муж Марии Абрамовны!» Тот сбежал за сторожем, спас отца.

Заседания учёного совета проходили после работы, около полуночи. Проректором по учебной работе был тогда Марк Моисеевич Герман. Он запаздывал, его ждали, хором пели: «Уж полночь близится, а Германа всё нет, а Герман всё нейдёт!»

Не помню точно, когда мы вернулись в первое общежитие. Знаю, что в школу я пошла уже из общежития. Значит, летом 43-его мы уже жили там. Впрочем, к тому времени здесь проживали многие работники университета. Туда поселили эвакуированных, которыми пополнились университетские кадры. Помню математиков Яновскую, Райк, Драшлина. Из Москвы приехал историк Тарков, из Ленинграда – известный филолог Городецкий. В общежитии дали комнату, точнее полкомнаты, Татьяне Ивановне Темниковой с двумя дочерьми. Татьяна Ивановна была уже тогда известным химиком-органиком. Она родом из Перми, выпускница нашего университета, начинала работать в нём. Потом переехала в Ленинград. В войну снова работала в нашем университете.

Я не оговорила, ей действительно дали полкомнаты. Большие комнаты в коридоре первого общежития имели два окна. Их делили пополам перегородкой из досок. Перегородка немного не доходила до двери. Получалась общая крохотная прихожая, из неё – две двери. Повидимому, общежитие отапливалось. Во всяком случае, там было значительно теплее, чем в нашей комнате. Узнав, как я мёрзну, милая Татьяна Ивановна настояла на том, чтобы в самые сильные холода меня приводили к ним. Сама она работала, меня привечали её дочери.

В голодные военные годы университетское начальство старалось хоть как-то помочь сотрудникам, их детям. В двух заповедниках, Кунгурском и Троицком, были созданы подсобные хозяйства. Продукты из них поступали и в столовую университета, и распределялись среди работ-

ников. А ещё в эти заповедники с лета 42-го года стали отправлять университетских детей. В роли воспитателей были чьи-то мамы, сотрудники университета или их жёны. Конечно, условия жизни были там предельно примитивные, питание тоже скромное, но всё же дети проводили лето на природе, купались, ели ягоды, овощи.

В 1943 году я была в Кунгурском заповеднике. В 45-м и 46-м в Троицком, но это уже после войны. Все дети, даже дошкольники, выходили на прополку. Остальное время проводили достаточно свободно. Гуляли, купались, собирали ягоды, грибы, часть из которых вносили в общую долю, для приготовления их на обед или на ужин. Непременно устраивали большие самодеятельные концерты. Причём и подбирали репертуар, и репетировали сами, без взрослых. Сцену готовили и украшали тоже сами. Зрителями были рабочие заповедника. Принимали нас восторженно! Ведь даже радио там не было.

Жили все дружно. Особенно сплочённой была жизнь в Троицком заповеднике. Ведь от Перми до него только по железной дороге надо было ехать двое суток, а потом ещё по степи. Была такая маленькая университетская колония среди степи близ Казахстана. В заповеднике была лаборатория, проходили практику студенты-биологи с преподавателями. Дети крутились около лаборатории, помогали студентам, собирали гербарий, ловили жуков и бабочек в морилки. Не знаю, была ли от этого польза, но принимали всё у нас с благодарностью.

Так общими усилиями смягчали страшные тяготы военного времени, переживали эти годы.

И, наконец, ПОБЕДА! Я училась во втором классе. 8 мая занятий уже толком не было, учителя спрашивали друг друга и даже нас: «Ещё не объявляли?» Ведь на Западе о капитуляции сообщили 8 мая. К тому времени вернули радиоприёмники, конфискованные во время войны, союзников ещё не глушили. Поэтому новости знали, слушая зарубежные радиостанции. Помню утро 9 мая, гул ликования по всему общежитию! Взрослые, в том числе и мои родители, не сговариваясь, пошли в университет, в такой день надо было быть вместе. Провели там время до вечера, а потом отправились в театр. Туда пускали девятого всех, без билетов! Сейчас я прочитала в «Звезде» за 9 мая 1945 года, что должна была идти «Аида». Но, я помню, говорили, что были на «Спящей красавице». Может быть, театр сменил спектакль на более праздничный? Мы, дети, весь день были предоставлены самим себе. Но не скучали, а праздновали тоже. Забирались на чердак первого общежития, кидали из окон самодельные листовки «Да здравствует победа!» Смотрели на радостных людей на улице. Идёт одна компания с гармошкой, с песнями, навстречу другая. И вдруг абсолютно незнакомые люди кидаются обнимать, целовать друг друга, плачут, смеются, делятся нехитрыми угощениями и дальше идут уже вместе. И мы бежим в привокзальную рощу. Сияет солнце, в цвету яблони, вишни! Так с этой рощей связано у меня и начало, и конец войны. И в тот, и другой день ярко светило солнце. А все военные дни мне вспоминаются, как пасмурные, холодные. Знаю, что это не так. Но как вспомню то время, то вижу мысленно либо снег, либо низкое серое небо.

Да, Пермь была в глубоком тылу, но нам было очень трудно. И детям, у которых четыре года вместо детства была война, тоже досталось. Об этом мы помним всегда.